

... Войдя в спальню, я увидел мать на кровати. Она делала вид, что читает какой-то журнальчик, нервно листая страницы. Одета она была в халатик, но не тот, махровый, который она оставила в ванной, а в другой, короткий, шёлковый, красный, прикрывавший сейчас её бёдра ровно настолько, чтобы не показывать ничего запретного, но при этом давать простор для фантазии. Фантазия у меня сейчас бурлила. Член под полотенцем, начавший было увядать под воздействием мыслей — а не даст ли мне мать сейчас по шее — снова шевельнулся, подбадриваемый мыслью более сладкой и более короткой — а не даст ли мне мать сейчас?..

Увидев меня, мать нервно отбросила журнал в сторону.

— Ну-ка, — грозным тоном, не терпящим возражений, приказала она, — сядь сюда.

Повинуясь властному движению её пальчика я сел на кровать рядом с ней, на колени, поджав под себя ноги.

— Так, — мать села напротив меня в такую-же позу. — Я, конечно, всё понимаю, ты уже мальчик не маленький...

— Мальчик не маленький как то странно звучит, — негромко, будто самому себе сказал я.

— Что?! — мать запнулась и явно сбилась с курса. — При чём здесь... Перестань грубить матери!

— Я не грублю! Я ведь тебя люблю и готов доставить тебе удовольствие...

Мать опять запнулась.

— То ты хотел, чтобы я тебе удовольствие доставил, — ехидно сказала она.

— Можно и так...

— Нельзя! Это же инцест. Ты знаешь, что это такое?

— Кровосмешение, — я видел, как от её резких движений и бурного дыхания халат стал раскрываться. Хоть он и не открыл и десятой доли виденного мной до этого великолепия, но уже манил... — Но я ведь не предлагаю кровосмешение. Максимум смешение твоей слюны и моей спермы...

Мать резко поднялась на колени. Я думал, что она меня сейчас ударит. Может и ударила бы, но в этом её движении халат раскрылся и я увидел кое-что новенькое. В ванной мать была в трусах. Сейчас нет.

— О! Ты трусики сняла? — спросил я, уже сжимаясь от предчувствия хорошей оплеухи.

Мать села обратно, запахиваясь и почти крикнула:

— А ты чего это хуй свой выставляешь?! А?! Что ты мне хуй выставляешь?! — и слегка ударила кончиками пальчиков по головке, торчавшей из сползшего полотенца. — Чего выставляешь?!

Она опять слегка стукнула его пальцами, словно боясь к нему прикоснуться нормально, как будто не она только что уверенно мяла его в руках, чтоб он встал как следует. И мне стало ясно, что меня ещё больше возбудило то, что она открыто, нецензурно говорила о моём члене. Интересно, в оргазме она будет кричать что-то вроде « — Бля-я-я-ядь! Да, да, еби меня, блядь!»? Ещё одна тонкая линия была преодолена.

— Ты же сама говорила, что нам с тобой стесняться не надо, — ответил я, привстал на колени и откинул полотенце. — Я думал ты поэтому и трусики сняла... Ну, чтоб полная свобода

была...

Мать замолчала, уставившись на мой член.

— Я же мама, — как-то слабо стала отнекиваться она. И эта её внезапная тихость была похожа на прорыв плотины водой — преграда пала.

— Но ты же женщина, — я придвинулся ближе и положил руки её на плечи.

— Да, но...

— Да ещё какая женщина, — я сказал это с искренним восхищением в голосе, потому что халат, соскользнув с её плеч, открыл её грудь и живот.

Сейчас я положу её на спину, обцелую, приласкаю. Она будет шептать мне «нет» губами и кричать «да!» телом...

Фиг! Резко и громко зазвонил мамин телефон на тумбочке. Она среагировала быстрее меня. Упала набок, схватила мобильник.

— Аллё?!

Я успел только упасть на неё сверху, оседлав и повалив на спину.

— Да, дома, заходи. Жду.

Это был провал. Мой член ткнулся в её живот, остановленный намертво сжатыми ногами.

— Лиза в подъезде, сейчас войдёт.

Твою-мою мать! Тётя Лиза — подруга моей мамы, из дома напротив. Я едва не застонал от такого облома. Тётя Лиза была весёлой, озорной, обезбашенной тёткой, на три года моложе мамы. С ней было весело, вечно она что-то выдумывала. Её приход и меня порадовал бы, но НЕ СЕЙЧАС!!! Я едва не застонал.

— Всё, всё, — торопливо зашептала мать, — вставай. Вставай, вставай. Потом поговорим.

— Угу, — хмуро ответил я. — Потом разденемся догола, ляжем и поговорим как следует.

Многочисленно толкнув при этом мать бёдрами я напоследок впился губами в её сосок, страстно всосав в рот едва ли не треть груди. Её пальцы вцепились в мои волосы и она издала стон, от которого я едва не кончил.

— Сходи в магазин за вином, — сказала мать мне в спину, когда я уже выходил из спальни. — И фруктов возьми.

— Ага, — я повернулся к ней и провёл пальцами по своему вздыбленному члену. — Бананы, клубничку.

Мать явно почувствовала себя в безопасности и в облегчении от неожиданного спасения. До того, что снова позволила себе перехватить инициативу. Она слегка раздвинула ноги и, передразнивая меня, провела по невидимой с моего места щёлке:

— Клубнички побольше.

Я невольно улыбнулся её дерзости. Ладно, посмотрим, что будет дальше. Я взглянул на часы в коридоре — 19.22. Вечер ещё не кончен, а ночь уже близко. Я улыбнулся и пошёл одеваться.

Продолжение следует